

УДК 130.2

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-3\(4\)-66-93](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-3(4)-66-93)

«МЁРТВЫЕ ПРАВЯТ ЖИВЫМИ»: ЛЕНИН КАК АГЕНТ, ОБЪЕКТ И ТЕХНОЛОГИЯ БИОПОЛИТИКИ

Иван Суслов

Саратовская
государственная
юридическая академия;
Саратовский
государственный
университет
(Саратов, Россия)

Ivan Suslov

Saratov State Law
Academy;
Saratov State University
(Saratov, Russia)

ORCID: 0000-0003-0991-6368

e-mail: suslov85@inbox.ru

Для цитирования статьи:

Суслов, И. В. (2023). «Мёртвые правят живыми»: Ленин как агент, объект и технология биополитики. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 3(4), 66-93. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-3\(4\)-66-93](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-3(4)-66-93)

Аннотация: Ленин – это уникальный биополитический феномен. Тело Ленина, с одной стороны, превращается в политический символ, и история управления ленинской телесностью в прямом и переносном (символическом) смысле насчитывает уже почти 100 лет. С другой стороны, Ленин, а точнее его культурные симулякры (в литературе, живописи, кинематографе, скульптуре), оказываются агентами (постагентами), управляющими телами и временем

советских/российских граждан. Цель статьи: наметить основные направления анализа биополитического потенциала ленинской телесности. Результаты: определены основные контексты, в рамках которых оказывается возможным говорить о теле Ленина как биополитической технологии. С одной стороны, Ленин (а точнее его мумия) оказывается феноменом единичного случая биополитического внимания. Как писал Жан Бодрийяр, контроль жизнь и смерть, а также разделение на живых и мертвых, манипулирование смертью – вот основа любой власти, и далее «здесь, на этой заставе смерти, и образуется власть». С другой стороны, репрезентация ленинской телесности в рассказах для детей может рассматриваться в качестве биополитической технологии, прививающей правильные телесные техники юным строителям коммунизма.

Ключевые слова: Ленин, Мавзолей, телесность, культурные репрезентации, биополитика, хронополитика.

Введение

Биополитика – это термин, описывающий совокупность властных практик и стратегий, направленных на управление жизнью и телами людей в рамках той или иной политической системы. В классическом смысле биополитика охватывает комплекс проблем, связанный с управлением населением, здравоохранением, рождаемостью, смертностью и другими биологическими аспектами человеческой жизни, позволяющими исследовать (государственные, но не только) институты и процессы регулирования телесных функций и физиологического существования людей.

Согласно Мишелю Фуко, биополитика включает в себя идеологические и социокультурные аспекты, связанные с интерпретацией и организацией управления телесностью людей с помощью таких механизмов контроля, как нормативные системы, социальные институты и био-властные технологии [Фуко 2011].

В биополитическом контексте может быть рассмотрена телесная репрезентация Ленина в Мавзолее на Красной площади, а также в многочисленных визуальных сценариях современной массовой культуры.

В настоящей статье будут представлены аргументы, утверждающие, что тело Ленина – это инструмент управления населением и формирования определенной политической и идеологической идентичности (т.е. биополитическая технология). Другими словами, визуальные репрезентации вождя мирового пролетариата в пространстве массовой культуры, а также непосредственный показ мумии могли создавать ощущение постоянного наблюдения со стороны государства, так или иначе воздействуя на поведение и сознание советских граждан.

Важно отметить, что данное толкование является одним из возможных и может быть предметом дискуссии. Настоящая статья ставит своей целью на примере известных кейсов обозначить теоретические рамки и методологические подходы изучения биополитических контекстов ленинской телесности.

Основная часть

История управления телом Ленина начинается еще до его смерти в 1924 году. В свое время известный историк еды В. Похлебкин обратил внимание на связь между структурой питания Ленина, влияющей на физиологические процессы, и его политической активностью, имевшей судьбоносное значение для России и мира [Похлебкин, 1997].

Пик творчества вождя мирового пролетариата приходится, между прочим, на тот период его жизни, когда диетические вопросы находились под контролем Инессы Арманд, которая оздоровила и разнообразила питание Владимира Ильича. Вопрос о питании Ленина, таким образом, приобретает биополитический ракурс.

Ухудшение здоровья Ленина еще в 1922 году становится причиной изоляции вождя мирового пролетариата в Горках. В дальнейшем (вплоть до самой смерти) Ленин появляется в публичном политическом пространстве только лишь в форме фотоизображения. Возможно поэтому его фотографии оказываются объектом политического управления и контроля, а также серьезным орудием политической борьбы [Орех 2012: 193].

После публикации книги «Ленин. Альбом. 100 фотографических снимков» в 1927 году, в течение следующих тридцати лет других фотоальбомов создано не было. Однако, показательно, что в то же время число фотографий Ленина, прошедших ретушь, увеличивалось в зависимости от интересов и целей руководства партии [Москвин 2014: 132].

Очевидно, что политик (имеется в виду Иосиф Сталин), который смог продемонстрировать публике фотодоказательства своей (очевидно духовно-идейной) близости с Лениным, ожидаемо получил дополнительные баллы в идейной борьбе с конкурентами [Булгакова 2005: 237]. Стоит отметить, что дружеское (или недружеское) расположение Ленина к фотопартнеру угадывалось исключительно по телесной экспозиции.

Фото 1. Владимир Ленин и Иосиф Сталин, 1922 г., Московская губ., пос. Горки, МАММ/МДФ.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://dzen.ru/a/YIhbvdYSCFdPolNO>

Наследники Ленина превратили тело вождя в полноценное политическое высказывание. С одной стороны, визуальная репрезентация ленинского тела в изобразительном искусстве, фото, игровых фильмах, театре и т.д. выстраивалась в соответствии с требованиями канона. С другой стороны, в Мавзолее на всеобщее обозрение было выставлено непосредственное тело вождя. Оба способа визуальной демонстрации Ленина использовались в пропагандистской работе. Рассмотрим каждый из них по порядку.

Как известно, Ленина после смерти подвергли уникальным биологическим процедурам, в ходе которых его тело было превращено в политическое заявление, подтверждающее бессмертие идей и обещающее скорое и неминуемое наступление коммунизма. Однако стоит отметить, что телесная харизматичность Ленина привлекала внимание многих современников еще при жизни вождя мирового пролетариата. Например, скульптор Н. Аронсон, воодушевленный уникальными деталями во внешнем облике Владимира Ильича, собирался создать медаль в форме головы вождя мирового пролетариата. А Анатолий Луначарский даже находил общие черты у Ленина и Сократа [Луначарский 1923].

Некая маги́ко-эзотерическая тональность с мистико-телесными оттенками ощущалась и в сборнике статей-воспоминаний о Ленине, изданном уже в 1924 году. Журналист и революционер Л. Сосновский, например, обещал (почти угрожал): «Ленин живет и будет жить <...> проникнет тогда в такие уголки, где

о нем еще мало слышали, и завоюет новые миллионы умов и сердец для дела коммунизма» [Москвин 2014: 133]. Поэт В. Князев в стихотворении «Капля крови Ильича» констатировал, что «Ильич – бессмертен в нас» [Москвин 2014: 133]. Еще сильнее (в метафорическом смысле) высказался (уже упомянутый) А. Луначарский: «Ленин <...> оплодотворил эту эпоху выработанным в его гигантском мозгу энергетическим соком» [Луначарский 1923: 45]. В 1928 году, кстати, создается Научно-исследовательский институт мозга Академии медицинских наук СССР (НИИ мозга АМН СССР), призванный, в первую очередь, определить физиологическую основу гениальности вождя мирового пролетариата.

После смерти Владимира Ильича скульптор С. Д. Меркуров сделал слепки лица и рук вождя мирового пролетариата. Во время массового прощания в Колонном зале Дома союзов множество художников запечатлели черты лица Ленина. Однако в феврале 1924 года вышло распоряжение, требующее отдать все ранее созданные рисунки и слепки Владимира Ильича государственной комиссии. Это привело к установлению жесткого государственного и партийного контроля над образом вождя мирового пролетариата. Примечательно, что первый бюст Ленина был создан скульптором Г. Алексеевым еще в феврале 1919 года, а уже после смерти основателя советского государства этот же скульптор создал первую статую, известную как «Призывающий вождь», которая затем была массово изготовлена и распространена по всей территории СССР [Москвин 2014: 140–141].

*Фото 2. Г. Д. Алексеев. Вождь призывающий. Авторская копия (бетон). 1943 г. Балашиха.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/35HSYk*

Как политический инструмент или, другими словами, особая биополитическая технология, способствующая утверждению коммунизма, использовалось не только тело Владимира Ильича само по себе, но и собственно ритуал его захоронения. Так С. Ю. Малышева предлагает рассматривать подношение погребального венка по случаю смерти Ленина как форму саморепрезентации советских граждан правильных социальных идентичностей. Другими словами, скорбевшие по вождю (искренне или нет), подписывая венки, самоопределяли (демонстрировали) и свою социальную принадлежность. Венки могли поднести: «1 – государственные учреждения советских республик, а также крупные заводы и фабрики как их представители; 2 – партийные и комсомольские организации, а также компартии зарубежных

стран; 3 – профсоюзные организации, 4 – трудовые коллективы рабочих и служащих фабрик и заводов, мастерских, акционерные общества, “трудящиеся и пролетариат разных местностей”; 5 – рабочие и крестьяне; 6 – Красная армия и ее учреждения; 7 – кооперация» [Малышева 2020: 89]. Одновременно следует согласиться с Б. Эннкер и заключить, что траур по Ленину был использован, в том числе и как инструмент эмоционального единения советских людей [Эннкер 2011].

Тело Ленина превратилось в важный символ СССР/Советской России и в глазах иностранцев. Так Е. А. Легенькова, анализируя французские травелоги 1920-1930-х гг., отмечала скорее негативное восприятие европейцами Мавзолея [Легенькова 2022: 117]. Французы-путешественники писали о малограмотности населения как факторе «обожествления» Ленина и отрицали возможность появления подобного азиатского культа в западном мире. Другими словами нахождение Владимира Ильича в Мавзолее способствовало укреплению негативных антирусских стереотипов у иностранцев из капиталистических стран. При этом, безусловно, что для трудящихся во всем мире мумия являлась материальным и положительным символом всепобеждающих идей коммунизма.

Таким образом, тело Ленина в непосредственном виде оказывалось определенным инструментом, воздействующим на сознание как советских граждан, так и иностранцев. Одновременно вождь мирового пролетариата продемонстрировал способность влиять (косвенным образом,

конечно) на телесные практики людей. И здесь следует обратить внимание на два аспекта: телесность посетителей Мавзолея и телесность Ленина как литературного персонажа в рассказах для самых маленьких.

Изучение телесности (телесных практик) – это влиятельная область социально-гуманитарных наук [Пивоваров 2019], связанная с биополитикой. Исследователями анализируется биосоциальная природа эмоций и возможность фармакологического управления ими, влияние биомедицинских технологий на природу человека, телесная репрезентация гендерных различий и т.д. Особое внимание следует обратить на классическое исследование «техник тела» М. Мосса, пространственные аспекты социогенезиса цивилизации Н. Элиаса и телесность габитуса П. Бурдьё.

Рассуждая в духе упомянутых выше методологических подходов, можно подчеркнуть особый (до уникальности) квазирелигиозный телесный порядок, поддерживаемый посетителями Мавзолея и его караульными. Пространство Мавзолея наполнено сакральными символами [Бабайцев 2010], играющими важную роль в поддержании социального порядка и преемственности советско-российского общества. Однако кроме стабильности в макромасштабе следует отметить ритуальную микростабильность, продуцируемую в самом Мавзолее и около него в форме очередей и практик смены караула.

В 2007 году в Российской Федерации был выпущен ограниченный тираж репринта книги под названием «Дети

дошкольники о Ленине». Эта книга содержит в себе документальные свидетельства, включающие игры, разговоры и рисунки детей, которые отражают их реакцию на смерть вождя мирового пролетариата. В книге рассказывается, что смерть Владимира Ильича вызвала глубокую скорбь у всех детей, а потому обычные игры, смех и пение исчезли из детских садов. Дети ходили тихо, обменивались впечатлениями и организовывали различные игры. Во время одной из них мальчики ложились на стол по очереди, изображая Ленина, в то время как остальные дети ходили вокруг стола. Таким образом, дети прощались с Лениным около 20–30 минут, пели песни, включая «Мы жертвою пали» и «Интернационал» [Москвин 2014: 134].

Второе направление воздействия Ленина на тела советских граждан связано с литературной жизнью маленького Володи Ульянова, который вел исключительно правильный образ жизни и потому стал миллионам советских детей примером для подражания. Огромную популярность заслужили «Рассказы о Ленине», написанные Михаилом Зощенко и изданные в 1939 году. Рассказы носят биополитический смысл, так как призваны воспитать правильные телесные практики у подрастающего поколения. Например, Ленин-подросток (если верить Зощенко) бросил курить за один день, занимался физкультурой, хорошо учился, ничего не боялся сам и вселял храбрость в младших братьев, был честным и совестливым. Перу Бонч-Бруевича принадлежит и рассказ об уже взрослом Ленине («Общество

чистых тарелок»), где вождь, проявив хитрость, убеждает детей в необходимости хорошо кушать.

В частности, Бонч-Бруевич писал: «Ленин очень любил детей. Когда он еще не был дедушкой, а был молодой, это было еще до революции, Ленин подрабатывал Дедушкой Морозом. Но потом у Ленина появилось много дел. Шли годы. Но желание быть Дедушкой Морозом не покидало его. Поэтому, когда он стал вождем, он все равно подрабатывал Дедушкой Морозом на елках. Потом, как мы знаем, Ленин умер, но на самом деле он не умер, он просто перевоплотился в Дедушку Мороза. Поэтому, в умах миллионов наших граждан, Ленин – это Дедушка Мороз, который приходит к нам каждый год и делает наш мир – сказкой!» [Бонч-Бруевич 1976: 14].

Подобных литературных историй в СССР было множество, и оценка их воспитательного импакт-контента еще ждет своего внимательного исследователя. Еще раз подчеркнем, что рассказы о Ленине выполняли не только идеологическую функцию индоктринации сознания подрастающих поколений идеалами коммунизма, но и были призваны формировать правильные телесные практики («культурность») у юных строителей коммунизма, а значит, могут быть квалифицированы как особая разновидность биополитических технологий.

Михаил Эпштейн отмечает, что «Ленин – огромный икс нашей истории. Некое неразрешенное, или неразрешимое, уравнение. Сегодня понимаешь, что кудрявый Ленин на октябрьских значках, этот ангелоподобный мальчик, которому нужно подражать во всем,

все еще остается в сумеречной зоне нашего коллективного бессознательного. Это как портрет дедушки в прихожей: ты о нем можешь не думать, но его образ лепит тебя изнутри. Мы все сделаны Лениным» [Эпштейн 2016].

Визуальные и нарративные каноны репрезентации Ленина складывались постепенно. Отметим, что особое внимание всегда уделялось телесным характеристикам вождя мирового пролетариата.

*Рис. 3. Михаил Соколов. В.И. Ленин на Всероссийском субботнике в Кремле 1 мая 1920 года (1927 г.)
Эта картина очень близка к тому, что запечатлели фотокамеры.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/35HSun*

Например, одна из самых известных фотографий («Ленин и бревно») подчеркивала именно физиологические возможности вождя мирового пролетариата. Эта фотография, снятая 1 мая 1920 года во время субботника в Кремле, была для советского режима

значимым примером пропаганды. Она была ретуширована и кадрирована с целью улучшить качество и подчеркнуть желаемые политические и идеологические аспекты.

Советские художники, включая Ю. Гржешкевича, Д. Налбандяна, В. Иванова, Е. Кибрика, И. Селиванова, М. Соколова, Н. Сысоева, использовали эту фотографию в качестве основы для своих произведений. Они проявляли креативность, перемещая Ленина вдоль бревна или изображая его в образе русского богатыря, в одиночку овладевшего «снарядом».

Мастера художественного жанра пытались передать идеологический дух эпохи и через визуализацию ленинской телесности. Например, восхождение на политический олимп СССР Сталина сопровождался изменением в трендах кинорепрезентации Ленина. Чем большим был крен в сторону культа личности Иосифа Виссарионовича, тем очевиднее Владимир Ильич в визуальной массовой культуре (как в кино, так и в живописи) превращался в маленького смешного помощника великого «отца народов» [Бобриков 2010].

В эпоху оттепели Владимира Ильича оказалось можно изображать с большими вариациями. Одной из самых необычных работ в рамках советской ленинианы послевоенного периода была картина «Похороны Ленина» или «Реквием» Элия Белютина. Эта картина была создана в 1962 году и представлена на выставке в Манеже в Москве, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников СССР. Она вызвала гнев Н. С. Хрущева, а также других посетителей выставки.

Рис. 4. Элий Белютин. Реквием. Похороны Ленина, 1962 г.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/35HT2K

Возмущение некоторой части советской элиты было вызвано сочетанием радикального экспрессионистского стиля и темы «Похорон Ленина». Картина разительно отличалась от ожидаемых идеологических норм и создавала сильные эмоциональные реакции у зрителей.

В 1965 году советский актер Иннокентий Смоктуновский в фильме «На одной планете» режиссера Ильи Ольшвангера представил новый и необычный образ Ленина, который отличался от утвержденного идеализированного изображения вождя. Этот фильм до сих пор считается самым смелым экспериментом в истории советской киноленинианы.

В фильме Ольшвангера Владимир Ильич был показан как суетливый, анекдотичный, капризный и флиртующий с представительницами слабого пола. Роль Иннокентия Смоктуновского, нарушавшая принятые стандарты и концепции изображения Ленина, вызвала широкие обсуждения и критику. Как отмечают в своей статье А. Г. Некита и С. А. Маленко, «архетипический герой советского послевоенного кинематографа стремился максимально освободиться от политических штампов, презентовал себя как обычного человека со спектром лично выстраданных мыслей и чувств» [Некита & Маленко 2022].

Размывание советской идеологии в период перестройки и затем ее окончательный крах в девяностые годы сопровождается трансформацией ленинской телесности [Самойлов & Северюхин 2021: 121]. Заметными приметам времени становятся сценические пародии на Ленина, в том числе и КВНовские. В 1990-е годы выходит серия фильмов, в которых Ленин выставляется в смешном свете. И речь идет не об исторических кинолентах, в которых актеры играли бы Ленина как исторического персонажа. Примечательно, что в новом постсоветском кино на экране демонстрируется как персонажи «играют» Ленина. Стоит, например, вспомнить такие фильмы как: «На Дерибасовой хорошая погода» и «Комедия строгого режима» [Шелест 2020]. Историческое значение Ленина в этих комедийных картинах дезавуируется, и в первую очередь Владимир Ильич оказывается интересен своими смешными телесными практиками и интонациями.

Фото 5. КВН. 1991. Полуфинал. Команда НГУ, номер «Октябрь».
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/35HTCD

Смешной и ненастоящий Ленин появляется и на страницах популярного романа Виктора Пелевина «Чапаев и пустота». Чапаев с помощью своей фирменной шашки устраивает мистический телемост, позволяя на расстоянии увидеть Ленина. И вот, что видит Петька:

«Он был небрит и лыс; ржавая щетина на его щеках переходила в неряшливую бородку и усы. Он наклонился к полу, протянул вперед подрагивающие руки, и я заметил жмущегося в угол коридора котенка с большими печальными глазами. <...> Вдруг неожиданно для себя я кашлянул. И тут Ленин – а это, несомненно, был он – вздрогнул, повернулся и уставился в мою сторону. Я понял,

что он видит меня, – в его глазах на секунду мелькнул испуг, а затем они стали хитрыми и как бы виноватыми; он с кривой улыбкой погрозил мне пальцем. <...> Зажегся свет. Я изумленно поглядел на Чапаева, который уже вложил шашку в ножны. – Владимир Ильич перечитывает Чехова, - сказал он» [Пелевин 2022: 35].

Юмористическая визуализация вождя мирового пролетариата в продуктах массовой культуры означает закат советской эпохи. Деленинизация сознания постсоветских людей проходит через трансформацию телесности вождя мировой революции. Так Т. Ю. Прудникова приводит в качестве примера статью «Ленин и пенис», опубликованную в «Аргументах и фактах» № 45 за 1996 год, в которой речь идет о неблагоприятном ракурсе на памятник Владимиру Ильичу со стороны Московского проспекта [Прудникова 2013: 55].

Превращение Ленина в анекдот сопровождается и процессами дегуманизации вождя мирового пролетариата. Владимиру Ильичу начинают отказывать в человечности. В известной песне Егора Летова вождь мировой революции, как известно, «разложился на плесень и липовый мед».

В 1991 году в телеэфире программы «Пятое колесо» музыкант и провокатор Сергей Курехин рассказывал зрителям о том, что Ленин – это гриб. В финале было сказано: «Вспомните замечательную фразу, которую Ленин говорил, слушая «Аппассионату».

«Божественная, нечеловеческая музыка». Само по себе это уже говорит о каком-то особом восприятии музыки. <...> Если еще принять во внимание, что ее написал

Бетховен, а Бетховен, как вам известно, переводится как «грибной дух» ... «Бет» – грибной, «ховен» – дух, то тогда тоже возникает определенная связь. Понимаете, все укладывается. Дальше. Я хочу предложить вам знаменитый рассказ Хармса, который тоже, в общем-то, взят не с потолка. Вот, пожалуйста. Короткий рассказ, который тоже практически подтверждает то, что я вам говорил. «Ленин в детстве очень любил грибы. Бывало, наберет полную корзину, почистит, отварит и ест. Да столько съедал, что и Пушкин не смог столько съесть. Но больше всего Ленин любил мухоморы. Большие, красные. Как увидит, так сразу блеск в глазах, весь сам не свой». Вот, пожалуйста, рассказ Хармса. <...>» [Цукер 2011: 15].

С точки зрения исторической справедливости следует добавить, что Курехин называл Горбачева – стрекозой, а Ельцина – барсуком.

Уже существенно позже в 2020-е годы (то есть после столетия революции и 150-летия Ленина) выходит сериал «Карамора», в заключительной серии которого выясняется, что Ленин не прочь стать вампиром.

Постсоветская эстетика пионерии (Всесоюзной детской организации имени В. И. Ленина) наполняется откровенно вампиро-телесным содержанием также и в сериале (по роману А. Иванова) «Пищеблок» (2021 - ...).

Фото 6. Кадр из сериала «Карамора» (реж. Д. Козловский, 2022).
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: [https:// clck.ru/34w2RL](https://clck.ru/34w2RL)

Фото 7. Кадр из сериала «Пиццеблок» (реж. С. Подгаев, 2021).
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/35HTWF

Окончательная дегуманизация Владимира Ильича происходит через обретение телом Ленина цифровой ипостаси в форме стикера и мема.

Таким образом, ленинская телесность выполняет роль нечеловеческого (скорее неодушевленного) актора социальных взаимодействий. Привлечение к анализу акторно-сетевой теории позволяет усилить методологическое основание исследования современной политической роли мумии Ленина и его скульптурных изваяний.

С ленинской мумией (как с «нечеловеком», по Бруно Латуру) оппоненты продолжают политический диалог, яростно требуя повторной (второй, гражданской?) смерти вождя мировой революции. Например, в 2011 году тогда депутат Государственной Думы В. Мединский говорил: «Я считаю, что каждый год мы должны поднимать один и тот же вопрос – о выносе останков тела Ленина из мавзолея. Это какая-то нелепая, язычески-некрофильская миссия у нас на Красной площади». Ленинское тело приобретает хронополитические функции защитника эпохи социализма [Морозов & Ткачук 2019: 21].

На постсоветском пространстве Ленина же ассоциируют с защитником русского мира и проводником влияния России (вообще). Как в 2014 году сказал Карен Шахназаров: «Когда ломают статуи Ленина, в этом есть что-то антирусское» [Шахназаров 2014: 78].

Таким образом, борьба с российским влиянием приобретает форму борьбы с каменными копиями тела вождя мирового

пролетариата, в данном случае геополитические противоречия приобретают биополитические оттенки. Как отмечают современные саратовские исследователи С. В. Тихонова и Д. С. Артамонов, «особенность исторической памяти о социалистическом прошлом заключается в активной роли предметной среды в целом» [Тихонова & Артамонов 2022].

В западном мире (где Ленину скульптуры почти не ставили) весьма пристальное внимание также обратили как на феномен ленинопада на постсоветском пространстве, так и одновременно на ленино-нейтральную историческую политику в России. В связи с эскалацией американской борьбы с неправильными памятниками летом 2020 года в западных медиа повысился интерес к исторической политике российских властей, отказавшихся от выстраивания единого нарратива о прошлом через критику Октябрьской революции и Владимира Ильича, в частности. Таким образом, один из пиков упоминаний Ленина (в июне 2020) в западных медиа пришелся на апогей американской борьбы с историческими деятелями, не вписавшимися в актуальную BLM-повестку.

Выводы

Очевидное переплетение биологических и политических смыслов может быть проиллюстрировано неочевидным ленинским примером. Двойственность ленинской телесности проявляется во множестве контекстов. Во-первых, с одной стороны, Ленин – один из тех немногих исторических деятелей (если вообще не единственный), физическое тело которого и после смерти

продолжает обладать политическими смыслами. С другой стороны, особой политической коннотацией нагружаются культурные репрезентации ленинской телесности. Таким образом, вождь мирового пролетариата продолжает оставаться и в физическом (пространственном) мире в форме мумии и скульптур, и, одновременно, является важной составляющей мира символического, а значит вправе требовать по отношению к своей телесности особого режима управления.

Во-вторых, Ленин (а точнее его мумия), с одной стороны, оказывается феноменом единичного случая биополитического внимания. Как писал Жан Бодрийяр, контроль жизни и смерти, а также разделение на живых и мертвых, манипулирование смертью – вот основа любой власти, и далее «здесь, на этой заставе смерти, и образуется власть» [Бодрийяр 2011: 239]. С другой стороны, репрезентация ленинской телесности в рассказах для детей может рассматриваться в качестве биополитической технологии, прививающей правильные телесные техники юным строителям коммунизма.

В-третьих, тело Ленина, сочетая как биологические, так и темпоральные свойства, представляет собой политический хронотоп, имеющий физическое воплощение в виде: 1) памятников; 2) Мавзолея; 3) и иных визуальных репрезентаций. Таким образом, феномен Ленина позволяет расширить границы нашего понимания о (нечеловеческой/неодушевленной) агентности биополитики, связывая ее одновременно с проблемами хронополитического

управления темпоральностью российского и мирового сообщества.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22–18–00153) «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Литература

- Бабайцев, А. В. (2010). Некрополь на Красной площади. Революционные воплощения традиционных символов. *Человек*, 4, 108–123.
- Бобриков, А. А. (2010). Маленький смешной помощник: образ Ленина в советской живописи. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки*, 4, 3–4.
- Бодрийяр, Ж. (2011). *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет; КДУ.
- Бонч-Бруевич, В. Д. (1976). *Наш Ильич. Воспоминания*. Москва: Детская литература.
- Булгакова, О. (2005). *Фабрика жестов*. Москва: НЛО.
- Легенькова, Е. А. (2022). «Великая могила»: Мавзолей В. И. Ленина во французском травелоге 1920–1930-х гг. *Литературный факт*, 3(25), 110–141.
- Луначарский, А. В. (1923). *Революционные силуэты*. Москва: 9-е января.
- Малышева, С. Ю. (2020). Венок вождю: скорбь по Ленину и практики советских саморепрезентаций. *Вестник Пермского университета. История*, 4(51), 87–94.
- Москвин, Д. Е. (2014). «Долгая лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре. В книге *Символическая политика: Сборник научных трудов*. (стр.128–144). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Морозов, И. А., & Ткачук, Л. А. (2019). «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий. *Этнографическое обозрение*, 1, 11–26.
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2022). Визуальные киномифы советской эпохи в идеологическом созидании «нового» человека. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 99–116. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Орех, Е. А. (2012). Фотография руководителя государства как инструмент конструирования образа советской действительности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 1, 192–200.
- Пелевин, В. (2022). *Чапаев и пустота*. Москва: Азбука.

- Пивоваров, А. М. (2019). Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ. *Социологический журнал*, 4, 9–27.
- Похлебкин, В. (1997, 5 октября). Что ел Ленин. *Огонёк*, 39, 20.
- Прудникова, Т. Ю. (2013). Десакрализация образа материализацией телесности (на примере изображений В. И. Ленина). *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*, 8, 51–60.
- Самойлов, Д. Е., & Северюхин, Д. Я. (2021). Лениниана новейшего времени. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 2, 118–131.
- Тихонова, С. В., & Артамонов, Д. С. (2022). Ностальгия по СССР в индустрии впечатлений: музеи советского быта. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 137–152. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-137-152](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-137-152)
- Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
- Цукер, А. М. (2011). Даниил Хармс и советский рок-абсурдизм. *Южно-Российский музыкальный альманах*, 2(9), 8–16.
- Шахназаров, К. Г. (2014). Когда ломают статуи Ленина, в этом есть что-то антирусское. *Тетради по консерватизму*, 1, 78.
- Шелест, В. В. (2020). Травестирование культового образа Ленина в постсоветском кино на материале фильмов «Комедия строгого режима» и «Деревня Хлюпово выходит из союза». *Культура и искусство*, 1, 27–42.
- Эннкер, Б. (2011). *Формирование культа Ленина в Советском Союзе*. Москва: РОССПЭН.
- Эпштейн, М. (2016). *От совка к бобку. Политика на грани гротеска*. Киев: Дух і Літера. Режим доступа: clck.ru/35Hkfl (дата обращения: 15.06.2023).

Информация об авторе

Суслов Иван Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1); старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Цифровые исследования философии риска», Саратовский национальный исследовательский государственный университет (Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83), ORCID: 0000-0003-0991-6368, suslov85@inbox.ru

"THE DEAD RULE THE LIVING": LENIN AS AN AGENT, OBJECT AND TECHNOLOGY OF BIOPOLITICS

Ivan Suslov

Abstract: Lenin is a unique biopolitical phenomenon. Lenin's body, on the one hand, turns into a political symbol, and the history of the management of Lenin's corporeality in the literal and figurative (symbolic) sense has been going on for almost 100 years. On the other hand, Lenin, or rather his cultural simulacra (in

literature, painting, cinema, sculpture), turn out to be agents (post-agents) controlling the bodies and time of Soviet/Russian citizens. The purpose of the article: to outline the main directions of the analysis of the biopolitical potential of Lenin's physicality. Results: the main contexts within which it is possible to talk about Lenin's body as a biopolitical technology are identified. On the one hand, Lenin (or rather his mummy) turns out to be a phenomenon of a single case of biopolitical attention. As Jean Baudrillard wrote, the control of life and death, as well as the division into the living and the dead, the manipulation of death is the basis of any power, and further "here, at this outpost of death, power is formed." On the other hand, the representation of Lenin's physicality in stories for children can be considered as a biopolitical technology that instills correct bodily techniques in young builders of communism.

Keywords: Lenin, Mausoleum, physicality, cultural representations, biopolitics, chronopolitics.

References

- Babajcev, A. V. (2010). Nekropol' na Krasnoj ploschadi. Revolyucionnyye voploshcheniya tradicionnykh simbolov [Necropolis' on Red Square. Revolutionary embodiments of traditional symbols]. *Chelovek* [The Human Being], 4, 108-123. (In Russ.).
- Bobrikov, A. A. (2010). Malen'kij smeshnoj pomoshchnik : obraz Lenina v sovetskoj zhivopisi [A funny little helper: the image of Lenin in Soviet painting]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizajna. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art Criticism. Philological Sciences], 4, 3-4. (In Russ.).
- Bodriyyar, Z. H. (2011). *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic exchange and death']. Moscow: Dobrosvet; KDU Publ. (In Russ.).
- Bonch-Bruevich, V. D. (1976). *Nash Il'ich. Vospominaniya* [Our Ilyich. Memoirs]. Moscow: Detskaya literature Publ. (In Russ.).
- Bulgakova, O. (2005). *Fabrika zhestov* [Factory of gestures]. Moscow: NLO Publ. (In Russ.).
- Cuker, A. M. (2011). Daniil Harms i sovetskij rok-absurdizm [Daniil Kharms and Soviet rock absurdism]. *Yuzhno-Rossiyskij muzykal'nyj al'manah* [South-Russian Musical Almanac], 2(9), 8-16. (In Russ.).
- Ennker, B. (2011). *Formirovanie kul'ta Lenina v Sovetskom Soyuze* [Formation of the cult of Lenin in the Soviet Union]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.).
- Epshtejn, M. (2016). *Ot sovka k bobku. Politika na grani groteska* [From scoop to scoop. Politics on the verge of the grotesque]. Kiev: Spirit and Litera Publ. (In Russ.).
- Fuko, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1978-1979 academic year]. Saint-Petersburg: Nauka Publ. (In Russ.).

- Legen'kova, E. A. (2022). «Velikaya mogila»: Mavzolej V.I. Lenina vo francuzskom traveloge 1920–1930–h gg. [«The Great Grave»: Lenin's Mausoleum in the French travelogue of the 1920s–1930s.]. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact], 3(25), 110–141. (In Russ.).
- Lunacharskij, A. V. (1923). *Revolucionnyye siluety* [Revolutionary silhouettes]. Moscow: January 9th Publ. (In Russ.).
- Malysheva, S. Yu. (2020). Venok vozhdyyu: skorb' po Leninu i praktiki sovetskih samoreprezentacij [Wreath to the leader: mourning for Lenin and the practices of Soviet self-representations.]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Perm University. History], 4(51), 87–94. (In Russ.).
- Morozov, I. A., & Tkachuk, L. A. (2019). «Pravila smerti»: koncepty «nepravil'nyj mertvec» i «nepravil'noe pogrebenie» v instrumentarii social'nyh i politicheskikh tekhnologij [«Rules of death»: concepts of «wrong dead man» and «wrong burial» in the tools of social and political technologies.]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1, 11–26. (In Russ.).
- Moskvin, D. E. (2014). «Dolgaya leniniana»: evolyuciya obraza Lenina v otechestvennoj vizual'noj kul'ture [“The Long Leniniana”: the evolution of the Image of Lenin in Russian Visual culture.]. In *Simvolicheskaya politika: Sbornik nauchnyh trudov* [The book Symbolic Politics: A Collection of Scientific Papers] [pp. 128–144]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2022). Visual film myths of the Soviet era in the ideological creation of a “new” person. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(1), 99–116. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Orekh, E. A. (2012). Fotografija rukovoditelya gosudarstva kak instrument konstruirovaniya obraza sovetskoj dejstvitel'nosti [Photography of the head of state as a tool for constructing the image of Soviet reality.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 1, 192–200. (In Russ.).
- Pelevin, V. (2022). *Chapaev i pustota* [Chapaev and emptiness]. Moscow: Azbuka Publ. (In Russ.).
- Pivovarov, A. M. (2019). Sociologiya tela v poiskah svoej identichnosti: analiz issledovatel'skih program [The sociology of the body in search of its identity: an analysis of research programs.]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 4, 9–27. (In Russ.).
- Pohlebkin, V. (1997, October 5th). Chto el Lenin [What Lenin ate.]. *Ogonyok* [The light], 39, 20. (In Russ.).
- Prudnikova, T. Yu. (2013). Desakralizaciya obraza materializaciej telesnosti (na primere izobrazhenij V.I.Lenina) [Desacralization of the image by the materialization of physicality (on the example of V. I. Lenin's images)]. *Vita Cogitans: Al'manah molodyh filosofov* [Vita Cogitans: Almanac of Young Philosophers], 8, 51–60. (In Russ.).

- Samojlov, D. E., & Severyuhin, D. Ya. (2021). Leniniana novjshjego vremeni [Leniniana of modern times.]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2, 118-131. (In Russ.).
- SHahnazarov, K. G. (2014). Kogda lomayut statui Lenina, v etom est' chto-to antiruskoe [When Lenin statues are broken, there is something anti-Russian about it.]. *Tetradj po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism], 1, 78. (In Russ.).
- Shelest, V. V. (2020). Travestirovanie kul'tovogo obraza Lenina v postsovetском кино na materiale fil'mov «Komediya strogogo rezhima» i «Derevnya Hlyupovo vyhodit iz soyuza» [Travesting of the cult image of Lenin in post-Soviet cinema based on the material of the films "Comedy of strict regime" and "The village of Khlyupovo leaves the Union"]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 1, 27-42. (In Russ.).
- Tikhonova, S. V., & Artamonov, D. S. (2022). Nostalgia for the USSR in the Impressions industry: Museum of Soviet Life. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(1), 137-152. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-137-152](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-137-152)

Author's information

Suslov Ivan Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy (1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia,); senior researcher of the Educational and Scientific Laboratory "Digital Studies of Philosophy of Risk", Saratov National Research State University (83, Astrakhan str., Saratov, 410012, Russia), ORCID: 0000-0003-0991-6368, suslov85@inbox.ru

For citation:

Suslov, I. V. (2023). "The dead rule the living": Lenin as an agent, object and technology of biopolitics. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 3(4), 66-93. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-3\(4\)-66-93](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-3(4)-66-93)